

В. С. Степин³

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ: ПРОБЛЕМА СТРАТЕГИЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализацию обычно определяют как усиление взаимосвязей и взаимозависимости различных стран и регионов планеты. Интегративные процессы постепенно объединяют взаимодействующие компоненты в целостную систему. В процессе глобализации возникают объединения государств с различной степенью интеграции (ВТО, ШОС, БРИКС, СНГ, ЕАЭС, ЕС и др.). И по мере усиления интеграции в них все

отчетливее проявляется фундаментальная закономерность сложных систем: компоненты (части), включаемые в систему, становятся лишь относительно автономными. Воспроизводство системы определяется параметрами порядка, выражающими особенности целого, что накладывает ограничения на воспроизводство и функционирование включенных в него частей (подсистем и их компонентов).

Все эти системные особенности интеграционных процессов являются объективной основой обострения проблем суверенитета и национальных интересов в глобализирующемся мире. Чем сильнее интеграция, тем в большей мере требуется согласование национальных интересов. А это предполагает выявление в них общего содержания, которое и обеспечивает возможности согласования различающихся интересов.

Как известно, интересы детерминированы ценностями. Структура интересов соответствует структуре ценностей, которая, в свою очередь, определяется взаимодействием уровней их системной иерархии — личностными, групповыми (корпоративными), классовыми, классовыми, этническими, национальными. Национальные интересы и ценности выступают своего рода фундаментом для всех остальных уровней.

Но это не предельное основание ценностной структуры современных обществ. Существует еще более фундаментальный уровень ценностной иерархии, который определяет взаимоотношение национальных интересов. На стадии современной глобализации этот уровень представлен жизненными смыслами и ценностями техногенного типа цивилизационного развития. Исторически он возникает в результате трансформаций культур, традиционных обществ, которые при всем их многообразии имели общие черты, позволяющие рас-

³ Руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, заведующий кафедрой философии науки и философии культуры МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Автор более 700 научных работ, в т. ч. 28 монографий: «Становление научной теории», «Философская антропология и философия науки», «Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации», «Философия науки и техники», «Эпоха перемен и сценарии будущего», «Теоретическое знание» (2000, пер. На исп. яз. — Stiorin V. S. El Saber Teorica. Estructura, Evolucion Historica, 2004; на англ. яз. — Stepin V. Theoretical Knowledge. Springer, 2005), «Философия науки: общие проблемы», «Цивилизация и культура», «Научное познание в социальном контексте», «История и философия науки», «Человеческое познание и культура», «Философия и методология науки», «Философская антропология и философия культуры» и др. Президент Российского философского общества. Иностраный член национальных академий наук Белоруссии, Украины, действительный член Международного института (академии) философии (Париж), действительный член Международной академии философии науки (Брюссель), почетный доктор Университета г. Карлсруэ (ФРГ), почетный доктор Новгородского государственного университета, Ростовского государственного университета, почетный профессор Института философии Академии общественных наук КНР (Пекин), почетный профессор Белорусского государственного университета (Минск). Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Награжден орденами Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

смаатривать их как различные варианты традиционалистского типа цивилизационного развития.

Я уже не раз писал в своих работах об отличительных признаках этих двух возникших в истории человечества типах цивилизационного развития. Эти признаки коренятся в особенностях мировоззренческих универсалий культуры, ее фундаментальных категориальных смыслах, выражающих понимание человека, его деятельности, природы, общества и личности, традиций и инноваций, рациональности, власти.

В техногенных обществах эти понимания не только отличаются от доминирующих мировоззренческих смыслов традиционалистского типа развития, но и во многом альтернативны им. Только в техногенной цивилизации приоритетным становится идеал креативной деятельности, понимание природы как закономерно упорядоченного поля объектов для преобразующей деятельности, как бесконечного резервуара ресурсов, обеспечивающего технологический прогресс.

В отличие от традиционных культур, в техногенной цивилизации инновации имеют приоритет перед традициями, рациональность выступает главным способом организации различных форм деятельности с акцентом на научную рациональность, обеспечивающую знание законов, в соответствии с которыми преобразуются природные и социальные объекты. Формируется идеал автономной и суверенной личности в противовес традиционалистскому идеалу личности как жестко связанной с принадлежностью к определенной корпорации (клану, касте, сословию). Власть понимается не только как власть человека над человеком (что присуще и традиционалистским обществам), но прежде всего как власть над объектами, природными и социальными. Отсюда ставшие почти символическими в техногенной культуре идеи господства человека над природой, контроля над социальными ситуациями, процессами и институтами, которые также предстают как объекты технологического манипулирования.

Эта система ценностей продуцирует ряд других особенностей техногенной культуры. Она выступает своего рода ядром генома техногенного типа развития, основой его культурно-генетического кода.

Техногенный тип развития в значительно большей степени, чем традиционалистский, унифицирует общественную жизнь. Наука, образование, технологический прогресс и расширяющийся рынок порождают новый образ мышления и жизни, преобразуя традиционные культуры.

По мере развития техногенная цивилизация оказывала все большее давление на традиционные общества. Многие из них были поглощены ею в процессе колонизации, другие ступили на путь модернизационного развития. Они заимствовали технику, технологии, систему образования, а вместе с тем и определенные фрагменты техногенной культуры, которые трансплантировались в традиционалистские культуры, вызывая их изменения.

Таков был, например, путь России, которая прошла через несколько модернизационных эпох, основанных на трансплантации западного опыта (реформы Петра I, Александр II, большевистская революция и ускорен-

ная индустриализация советской России в первой половине XX века).

Модернизация определила переход от традиционалистского к техногенному типу развития и для многих других современных обществ (Японии, Китая, Индии, ряда стран Латинской Америки и арабского мира).

Во второй половине XX века техногенный тип цивилизационного развития был представлен не только странами Запада, сформировавшими на собственной основе в ходе своей истории ценностную матрицу этого развития, но и странами, заимствовавшими в процессе модернизации ряд ключевых компонентов этой матрицы и соединившими его с рядом пластов своей традиционной культуры, с некоторыми ее смыслообразцами, символами, идеями и паттернами.

В конце XX столетия модернизационные процессы перерастают в глобализацию. Техногенная культура внедряется практически во все регионы мира, прежде всего через технико-технологическую экспансию и мировой рынок. Ядро ее культурно-генетического кода породило особое отношение к научно-технологическому прогрессу и экономическому росту. Они воспринимаются как высшие ценности и цели, обеспечивающие улучшение качества жизни людей. Это отношение к экономике и научно-технологической деятельности включено в систему национальных интересов всех стран — участниц глобализации. Индикатором успеха предлагается считать рост потребления.

В цепочке ценностей «новые технологии — экономический рост — увеличение потребления» последнее звено рассматривается в качестве приоритетного компонента. В явной или неявной форме все акты глобализации принимают эту ценностную цепочку как выражение общечеловеческих ценностей и необходимую основу интеграционных процессов.

Но дело в том, что общечеловеческие ценности, как правило, функционируют в виде идеала, осуществление которого предполагает его конкретизирующую интерпретацию. Именно различие интерпретаций служит основой столкновения интересов. Во всех мировых религиях можно обнаружить нравственные принципы общечеловеческой значимости, но они жестко сцеплены с определенными интерпретациями, что всегда порождало разногласия и столкновения вплоть до ожесточенных религиозных войн.

В общем виде идеал роста потребления на путях научно-технологического прогресса и экономического развития принимался в техногенной цивилизации разными идеологическими доктринами — от либеральных концепций капитализма до коммунистических идей переустройства социальной жизни. Вместе с тем этот ценностный инвариант конкретизировался в альтернативных интерпретациях (доминирующей ценности свободного рынка, с одной стороны, командно-плановой экономики — с другой). Соответственно обозначились разные стратегии практического воплощения провозглашаемого идеала.

Социальная практика формирования общества потребления в развитых странах Запада свидетельствовала об успехах выбранной ими стратегии развития. Это послужило для них основанием позиционировать себя

в качестве образцов по отношению к другим странам глобализирующегося мира. Привычная еще с эпохи модернизаций роль ментора, обогнавшего другие страны в цивилизационном развитии, стала воспроизводиться в новой социально-исторической ситуации конца XX — начала XXI века. Эта позиция в последние годы открыто провозглашается США, претендующими на всеобъемлющий контроль за процессами глобализации. Но между эпохами догоняющих модернизаций XIX — первой половины XX века и современностью есть ключевое различие. То, что в XIX веке находилось в зачаточном состоянии, во второй половине XX столетия отчетливо проявилось в глобальных кризисах, порожденных техногенной цивилизацией.

Распространение оружия массового уничтожения, экологический и антропологический кризисы породили ранее немислимую, а сегодня реальную угрозу деградации биосферы и самоуничтожения человечества. Так в структуре ценностей обозначился еще один, самый глубинный уровень, который ранее не попадал в сферу рефлексии, а полагался неявно, само собой разумеющимся. Этот уровень конституирован двумя высшими ценностями — сохранение биосферы и сохранение человечества. Именно эти ценности безоговорочно имеют общечеловеческий статус.

Но тогда необходимо соотнести с ними те стратегии экономического, технологического развития и установку на рост потребления, которые позиционированы развитыми странами Запада в качестве выражения общечеловеческих ценностей. Увеличивают ли они либо уменьшают вероятность обострения глобальных кризисов?

На эту тему я уже высказывался в своих публикациях и в выступлениях на предыдущих Лихачевских чтениях при обсуждении современных проблем диалога культур. Поэтому изложу соответствующие соображения в конспективной форме.

В современном экономическом развитии доминирует принцип «чем больше мы потребляем, тем это лучше для экономики». Рост потребления связан с повышением спроса, который, в свою очередь, стимулирует экономический рост. Современная экономика функционирует как развивающаяся система с обратными связями. В ней важнейшую роль играют механизмы формирования потребительского спроса. Исторически возникли два ключевых механизма, обеспечивающих решение этой задачи. Первый из них связан с расширением и интенсификацией рекламы и периодической сменой моды на определенные товары.

Еще в середине XX века один из исследователей потребительского спроса американский экономист и социолог В. Лебов писал, что реклама и пропаганда рынка в СМИ должны приучать людей активно потреблять и изнашивать вещи, выбрасывать даже сравнительно новые и годные к потреблению предметы, заменяя их еще более новыми и модными, и все эти процессы обновления потребляемых вещей должны протекать с ускоренной быстротой. Сегодня эти установки реализовались в обществе потребления и постепенно становятся обыденностью рыночных отношений в их расширяющихся масштабах. Известный футуролог, психо-

лог и социолог Эрвин Ласло отмечал, что современная цивилизация за последние 50 лет потребила столько же товаров и услуг (по стоимости в неизменных ценах), сколько все предыдущие поколения, вместе взятые¹. Понятно, что такая система экономики может развиваться, только поглощая все большее и большее количество природных ресурсов и увеличивая загрязнение окружающей среды.

Второй механизм повышения спроса связан с расширением практики дешевого кредитования. Это жизнь в рассрочку, в долг.

Во второй половине XX века широкие масштабы приобрело кредитование не отдельных лиц, а корпораций и стран. Расширяющийся обмен валют и биржевые спекуляции превратили деньги в особый товар. Возник посредник в обмене этого нового товара — мировая валюта. Им стал доллар США. И тогда изготовление этого нового товара стало источником прибыли. США, увеличивая эмиссию доллара и выпуск государственных бумаг, получили возможность кредитовать сами себя, постоянно наращивая уровень потребления. Возник феномен супердержавы, обладающей огромной военной мощью, которая живет в рассрочку. Долг США сегодня превышает 17 трлн долларов. Тем не менее это государство продолжает политику увеличивающегося бюджетного дефицита, наращивая расходы и обеспечивая рост потребления.

Но жить в долг — значит жить за счет будущих поколений. Э. Ласло в своей книге «Макросдвиг» рассматривает принцип «чем больше мы потребляем, тем лучше живем» как путь к экологической катастрофе. Он отмечает, что новые стратегии развития цивилизации должны быть связаны с отказом от этого принципа. Но тогда возникает новый вопрос: каковы возможности столь радикальных перемен?

Здесь нужен специальный анализ тех изменений в структуре современной экономики, которые вносят экономика знаний, рост информационного потребления и возможности новых технологий. Важно также определить возможности изменения структуры финансового рынка на путях межнационального контроля за мировой валютой, перехода к такому виду мировой валюты, которая, будучи наднациональной, одновременно не является валютой одной отдельно взятой страны.

Пока трудно сказать, каковы перспективы такого сценария и как именно он может осуществиться. Но что можно бесспорно зафиксировать, так это рассогласование доминирующих сегодня стратегий экономического развития и роста потребления с задачами преодоления глобальных кризисов. Отсюда следует, что эти стратегии, выраженные в форме национальных интересов ведущих мировых держав, не имеют достаточных оснований для своего позиционирования в качестве общечеловеческих ценностей.

Современные глобальные кризисы, порожденные техногенной цивилизацией, требуют пересмотра прежних стратегий развития. Это, в свою очередь, предполагает критический анализ базисных ценностей техногенной культуры и обнаружение точек роста новых ценностей. С этих позиций вполне вероятно, что

¹ Ласло Э. Макросдвиг. М., 2004. С. 70.

в трансформации ценностей и выработке новых стратегий решающую роль могут сыграть те страны, в которых сохранились адаптированные к новым реалиям фрагменты традиционных культур.

Новая система ценностей, скорее всего, сформируется в диалоге культур, и это является дополнительным позитивным аргументом в пользу идеи полицентризма глобализирующегося мира.

¹ Писатель, журналист, публицист. Президент Washington Grove Institute (США), доктор философии. Автор книг: «Кто убил Альдо Моро?», «Джордж Буш. Несанкционированная биография» (в соавт.), «9/11 — синтетический террор», «Анатомия государственного переворота: учения и маневры Пентагона как основной канал тайного правительства для осуществления террористической атаки «9/11»», «Обама и заговор постмодернизма» (в соавт.), «Обама. Несанкционированная биография» и др.